

лось спрятаться в одном из схрон-нов. До 24 декабря 1943 года я сидел в схроне. Прятался в сарае до утра. С коровой. А рядом, за речкой немцы копали траншеи, готовились обороняться. Было это 24-25 декабря 1943 года. Зашел к своему хозяину. А у него... немцы! Вместе с немцами встречал Рождество. Помогал хозяину по дому. А 1 января 1944 года к нему пришли и мои сестры...»

В конце января 1944 года Мотл Басс ушел в польские партизаны Армия Краевой, но не сказал, что еврей. Хотя, вспоминает он, в том отряде было несколько десятков евреев. В домашнем архиве Мотла Басса хранится любопытный рукописный документ из Мельбурна от 18 сентября 2000 года. «Тому, кому это предназначено. Я, Бабух Арон Нухимович, бывший узник Владимир-Волынского гентто (Зап. Украина) и участник «Белинского» партизанского отряда под командованием поручика Ежи Красовского (псевдоним «Лех») в районе Владимир-Волынского, утверждаю, что по моем прибытии в отряд я застал там несколько десятков евреев, и среди них был Басс Мотел. Мы вместе с поляками сражались против немцев и бандеровцев с февраля 1944 года до освобождения Владимир-Волынского. По возвращении во Владимир-Волынский мы были призваны в действующую армию, где продолжали сражаться до победы».

Мотл: «Партизаны больше занимались украинцами-бандеровцами, чем немцами». Партизаны научили парня стрелять из немецкого автомата. Ночь — дежурство. А потом на задание — на санях прикрывать группу, которая должна была взрывать железнодорожную линию Ковель — Владимир-Волынский. Трое в санях. С автоматами. Их задача — дать возможность партизанам заминировать путь. И уйти, по возможности не обнаруживая себя...

В апреле 1944 года немцы начали наступление на партизан с целью обезопасить тылы перед лицом наступающей Красной армии.

Борис Бурле поздравляет Мотла Басса

Партизаны не только дали отпор, но и захватили в бою 50 пленных, вспоминает Мотл. Немцы прислали парламентаря — ксендза с ультиматумом отпустить пленных, иначе 500 поляков-заложников будут расстреляны. Пришлось уступить... После этого немцы начали бомбить лагерь. Партизаны несли потери, но сопротивлялись. В этот момент очень помогли доставлявшие партизанам оружием мадьяры. Один венгр даже сбил из пулемета самолет. Самолет врезался в землю, и летчик погиб. Обыскали тело летчика.. По документам, он должен был пойти в отпуск и поехать в Германию. Отлетелся...»

6 июля 1944 года части Красной армии освободили Ковель (примерно 40 километров от Владимир-Волынского), а 27 июля 1944 года, в один день со Львовом, — и Владимир-Волынский, вспоминает Мотл. «Мы начали бои за речку Туриа, идя навстречу наступающим частям. На второй день после освобождения города меня взяли в армию. И сразу — в СМЕРШ. Стали проверять. Мне еще не было 18 лет!..»

Мотла направили в части 53-й армии под командованием генерал-полковника Мангарова, на фронт, в Карпаты. Шла Яско-Кичиневская операция. «В Венгрии меня забрали переводчиком, поскольку узнали, что я знал немного венгерский, общаясь с мадьярами в отряде. В феврале 1945-го брали Будапешт. Город был сильно разрушен. Наши солдаты вели себя по-разному. Случалось, и насиловали женщин. Меня послали предупреждать это насилие. Евреев встречал, но мало...»

После Венгрии был 606-й стрелковой полк, с ним он и дошел до Праги. В 37 километрах у Бенешау (Бенешов) встретили День Победы.

«Наш полк стоял в горах недели две. Потом отправили на Дальний Восток. Там стояли до войны с Японией. Затем — на Новосибирский 35-й авторемонтный завод. В декабре 1947-го демобилизация. Я приехал домой, а там осталось всего 20 евреев. Сестры уехали в Польшу, затем в Австрию, оттуда в Палестину. О том, что они живы, я узнал полвека спустя, через

Красный Крест. Надо было жить. Пошел работать в Смешторг экспедитором, потом на оптово-водочную базу. Учился в вечерней школе. Потом во Львове поступил в институт в 1955 году. Заочно. В 1961 году окончил институт, стал замдиректора универсама...»

«Еврей в торговле» был больше, чем еврей, в понимании советских властей. Но власти требовались работники, и она была вынуждена терпеть таких, как Мотл, который умел вести дела, выживать и помогать это делать другим в стране повального дефицита. Ездил на торговые оптовые ярмарки, вел обмены. Стал директором универсама — и это был потолок карьерного роста. Власть, скрипя зубами и нехотя оценила его мозги.

Но война не отпускала. «КГБ знал, что я был в гетто, и поэтому в 1979 году меня вызвали в связи с «делом» гебитскомиссара Владимир-Волынского района Вестерхайде. Я этого нациста видел сотни раз. Он ходил не в черной, а в зеленой полевой форме. Его секретарь, Целле, тоже была в военной форме. Красивая блондинка, она расстреливала детей. Они ездили на лошадях и расстреливали. Она могла свободно убить и меня. Допрашивали свидетелей-евреев на месте. А в Германию свидетелями посылали бывших полицаев». Вестерхайде оправдали... О том, что Мотл являлся свидетелем, имеется документ из прокуратуры Волынской области, он датирован 1994 годом, уже после распада СССР.

22 июня 2010 года в с. Пятыйдн Владимир-Волынского района Волынской области при содействии Евроазиатского еврейского конгресса был открыт информационный стенд рядом с обелиском, установленным в двухстах метрах от места массового захоронения 25.000 евреев — жителей Владимир-Волынского и одноименного района, погибших в годы Великой Отечественной войны от рук фашистских захватчиков. Мотл Басс при этом присутствовал и принимал участие в церемонии открытия обелиска. Он бывает в родных местах ежегодно. И не только потому, что там живет одна из двух его дочерей со своей семьей (другая в Израиле), но — по зову Памяти...

До 24 декабря 1943 года я сидел в схроне. Прятался в сарае до утра. С коровой. А рядом, за речкой немцы копали траншеи, готовились обороняться